

Зелицкий Владимир. Вишневый Сад. К закрытию сезона Русской Драммы // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1941. 4 мая. № 10612. С. 4.

ТЕАТР

И

Музыка

Вишневый Сад

И закрытию сезона в Театре Русской Драмы

«Вишневый Сад» был написан А. П. Чеховым в течение 1903 года и впервые увидел свет рампы на сцене Московского Художественного Театра 17 января 1904 г.

Премьера «Вишневого Сада» совпала с двумя редкими событиями: пребыванием в этот день автора в Москве и его днем ангела (17 января). Это дало повод дирекции МХТ устроить чествование любимого писателя.

Еще до третьего акта Антон Павлович, мертвенно бледный и худой, стоя на авансцене, не мог сдержать слез, пока его приветствовали с адресами и подарками, у нас же невольно сжималось сердце. Из зала ему крикнули что-то о сем. Но Чехов нахмурился и продолжал все длинное и тугое приветствие, над которым комически смеялся в своих воспоминаниях. Юбилей вышел торжественным, но от него отдавало «буржуазностью» (К. С. Станиславский о жизни в искусстве).

Середь года А. П. Чехов умер от болезни немецкого курортного города Баденвейлера.

Чехов не верил в долговечность своих произведений: «япты—семь лет»,—так определял он срок их жизни. Но вот прошло не семь, а раз семь лет со дня смерти писателя, а пьесы его волнуют по-прежнему, даже больше прежнего. Настоящее художественное произведение содержит больше, нежели то, что при его рождении видят его современники. Отделенная от своего создателя, оно обретает собственную жизнь и, по мере изменения окружающего, открывает все новые и новые черты. Именно ему постоянную молодость.

Многие без волнения репетировали «Вишневый Сад», одно из лучших драматических произведений А. П. Чехова. В этот чудесный, ароматный пьесе все обращается непосредственно к вам, каждое слово звучит по-новому и пьеса, написанная сегодня, по-прежнему всегда оказалась пророком. Чехов предвидел революцию, хотя умер за год до первой ее вспышки 1905 года—и странным образом для Гаевы черты будущего перенял Гаев, с его любовью к материальным мечтам, с его грустью о прошлом, с его смиренным признанием своих ошибок, с его способностями к изкупительному.

Встречаемся мы теперь

ежедневно: мы слышим его ласковый басок среди пожилых рабочих, ожидающих автобуса после трудового дня; мы встречаем его в стареньком, но опрятном костюме на благотворительных вечерах и часто видим в театре вытирающим укладкой, чтобы никто не видел, влажные от слез глаза. Он не чувствует гнева против Лопухина завладевшего его «садом». Всю прелесть и все неизрасходованные в прежней беспечной жизни духовные силы он покажет потом, когда занавес опустится, когда сад будет до тла вырублен и когда он сам, постаревший и больной, доживая трудную рабочую лямку, будет пересматривать, в одном из углов эмигрантского разселения, старые выцветшие фотографии родного дома. Гаева Чехов простил до конца. Гаев только жертва той атмосферы в которой ему приходится жить. В его готовности всегда умолкнуть, в его незлобности, в его вседаши. согласии признать свою вину столько трогательного смирения, что перед этой истинно-христианской сущностью смягчаются все его «буржуазные» замашки и презрительное пофыркивание на окружающих.

Доброта Раневской—эгоистична! она лишь хочет не видеть тяжелою, хочет, чтобы все вокруг нее выглядело весело и приятно. Она способна дать пьянице золотой, но не может подумать о плохой еде на кухне или об одиночестве Варя. Только мимоходом, в минуту отъезда она вспоминает о любви Варе, без серьезного участия устраивает свидание с Лопухиным и тотчас забудет о неудаче, как только сядет в поезд. Эта неспособность думать о других всего очевиднее проявляется в отношении к Фирсу. Если бы ей захотелось проститься не только со стенами и со шкафом, но и с посвятившим ей и Гаеву всю жизнь Фирсом, то недоразумение не могло бы быть. Она торопилась сбросить эту заботу на других—на Аню или Яшу. Раневская ни к какой борьбе не способна; после «белого» всего, что было ей дорого, она вновь возвращается к той жизни в Париже, какую сама осудила в начале и где—«накурено и неуютно».

Чехов предвидел аграрную реформу и считал ее неизбежной: опасность чудилась ему в неделимости сада, в невозможности принять советы Лопухина. У Чехова Лопухин—только мужик, но с особой мягкостью истинно «чеховской души». Чехов дал ему талант Астрова: способность видеть заранее осуществление мечты. Сажая мак, Лопухин не только радуется большой прибылью; он любит краску цветущих маковых полей, и этот поэтический дар студент Петя называет у него способностью «размахивать». Любовь к нему Вара достаточно определяет отношение к нему Чехова. Бурная радость в монологе третьего акта, горестное

любое созерцание плачущей Раневской, в которой и для него заключена краса уходящего прошлого и, наконец, застенчивость и бессилие перед решительным шагом в сцене с Варей, в четвертом акте, разрушающим его и Варину счастье,—лучше всего характеризует Лопухина.

Чистота и безкорыстие Пети Трофимова, должны возвещать будущую «новую жизнь», за которую Аня готова жертвовать бороться со всем пылом молодости и убежденности.

Но Чеховское пророческое чутье заставило поставить в глубине картины гниющего Яшу, будущего комсомольца, по своему использующим их жертвы. Царство Лопухина, наследующего от бывших владельцев любовь к садам, которым ему суждено было нанести первый сокрушительный удар, не долго: он скоро будет раскулачен Яшкой—подлецом.

Епиходов, усердный конторщик всякого нового хозяина, носящий на себе печать безсознательной обреченности, обрушит на «сады» 22 несчастья и будет писать свои донесения, статьи и резолюции тем мало понятным и корявым языком, которым награждал его в пьесе автор.

Дуняша «снежная как барышня» будет долго плакать от восхищения перед Яшкой, пока не поймет ему цену. Шарлота, полная жажды жизни и заблуждающая всех своими шутками и фокусами,—несет в душе своей трагедию: тоску по ребенке, по живому существу, с которым могла бы она поговорить, к которому могла бы она прижаться, ощутить теплоту близкого, родного тела.

Сочный, здоровый, полный жизни и энергии, полуразорившийся помещик Семенов-Пищик, по воле автора, сознает в четвертом акте свою обреченность и, уходя со сцены в финале пьесы, как бы символизирует уходящий в вечность помещичий быт.

И, наконец, как бы изкупительной жертвой совершающегося сдвига, в наглухо заколоченном доме, всеми покинутый и забытый умирает старый, предавший слуга Фирс. Смертью этой Чехов воздвигает надгробный памятник уходящему, отживающему миру.

Тоска и безнадежность?

Именно нет! Именно в «Вишневом Саду», как ни в одной из своих пьес, Чехов зовет к новой, лучшей жизни. Когда он садился за работу он думал о том, что прежние его писания устарели. Это было странное ощущение. Но еще более странным было то, что мысль о своей устарелости не пугала Чехова, а радовала. Умирающий писатель хотел новыми словами описывать новые чувства и новых людей и в «Вишневом Саду» впервые зазвучали бодрящие, прismaticкие слова: «Приходите все посмотреть, как Ермолай Лопухин хватил топором по Вишневому саду, как упали на землю деревья! Настроим мы дач и наши внуки и правнуки увидят новую жизнь!»—говорит Лопухин в третьем акте. «Пойдем со мной, мама, пойдем отсюда! Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама!»—призывает Аня в третьем акте и: «Прощай дядя! Прощай старая жизнь!» восклицает Аня в эпилоге пьесы, «Здравствуй новая жизнь!» отвечает Петя Трофимов.

Владимир Зелицкий.